

Ваши дети

Решала поделиться своими наблюдениями за поведением детей в автобусе в общественном месте.

Две девушки в летели в автобус с громким смехом и разговорами. Постояли немного — и, разраз, быстренько оторвали два билета. Переягнулись взрослые, молчат, а они и не думают опустить 10 копеек. Небольшие деньги, а сколько за день таких мальчишек и девчонок! Пришлось сказать, что они забыли рассчитаться за оторванные билеты.

Ничуть не смущаясь, одна из них строго взглянула в нашу сторону и с сердцем бросила в кассу два пятиатка. Частенько, видно, проходит им этот номер. Кто подал им такой пример? Может, их родители так поступили однажды, даже одного примера достаточно, чтобы перенять его. Тем более, что здесь большого ума не надо.

Многим приходится выезжать на телеграфе и переговорном пункте у ДК «Строитель». Зал маленький, у стола четыре кресла. А за столом сидят женщины, на руках у них дети, которые черкают на телеграфных бланках, ломают перья. Так что если забудете вы ручку дома, то едва ли заполните телеграмму. Хорошо, если кто-то выручит. Да еще и на ногах, присесть негде. А когда техничка подошла и сказала, чтобы бланки не портили и чернила

не разливали, то на нее так взглянула одна из мам, не ошибусь, если скажу — довольно на вид образованная, что она замолчала и ушла. А ребенок продолжал черкать, а потом кричать на весь зал так, что не слышно было, что объявляют и кого вызывают.

Каждый отец, каждая мать считают, что любят сына или dochь, жалуют им только добра. Но любить своих детей умеет и курица. Чрезмерная любовь ослепляет, смещает понятия о полезном и вредном, оборачивается несчастьем для обеих сторон.

Тысячи больших и малых фактов непрерывно влияют на характер детей. И родители всегда должны помнить, что в детстве происходит лепка характера, когда надо привить детям не простое «что такое хорошо и что такое плохо», а моральные основы нашей жизни — честность, высокую нравственность, любовь к труду, взаимное уважение и тем более к людям труда, культурное поведение в общественных местах.

С. ЛИКУНОВА,
учитель.

ЧТО ПОКАЖУТ ВЫБОРЫ

Одним из направлений обновления нашего общества является процесс демократизации всех сторон нашей жизни, в том числе и сферы образования. Совершенствуя формы развития социалистической демократии, исполнком районного Совета народных депутатов 26 августа проводит выборы заведующего районным отделом народного образования. Доводим до сведения работников учреждений народного образования, педагогических коллективов и общественных организаций района о том, что выборы будут проведены в три этапа.

На первом этапе в срок до 15 августа педагогические коллектизы, группы педагогических коллективов (имеются в виду поселки, где 2, 3 и более школ) предлагают свои кандидатуры на рассмотрение постоянной комиссии по народному образованию при райисполкоме.

На втором этапе постоянная комиссия по народному образованию при райисполкоме отбирает не более пяти кандидатур для дальнейшего обсуждения в педагогических коллективах, учреждениях просвещения района.

На заключительном этапе 26 августа перед началом традиционного августовского совещания учителей будут проведены выборы тайным голосованием с участием администрации и представителей партийной, профсоюзной и комсомольской организаций учреждений просвещения района.

Письма с предложениями направлять в райисполком, в постоянную комиссию по народному образованию.

ИСПОЛКОМ РАЙСОВЕТА.

РОЗЫСК «МЕРТВЫХ ДУШ»

Заметно продвинулась во Взлетном. Спокойны выписка из общежитий Н. П. Носков, житель так называемых «мертвых душ». Сколько же труда потрачено на розыск тех людей, которые ушли от нас, оставив в аэропорте прописку по ул. Бажова, 7. Ходили мы, искали, просили выписать. В результате 90 процентов «мертвых душ» выписали, а вот небольшое число осталось.

Но этих людей не тревожит, что очень скоро будет перепись населения, которая, конечно же, выявит эти аномалии. Может, вы, перечисленные

никак не реагируют на наши приглашения И. Р. Гольшайд, проживающий

ПУКИН дышал мне в спину. Он дышал учащенно, словно запыхался в беге. Я знал, что сейчас его нижняя челюсть отвисла, рот приобрел форму круга, а легкие обмываются с окружающей средой, минуя дублирующее звено, называемое носом.

Так дышать он стал недавно — с того дня, как началась перестройка и вступило в действие положение о выборности на руководящие посты.

— Ты плохо кончиши, Пукин, — говорил я ему, — У тебя такой солидный агрегат выше рта, а ты им пренебрегаешь.

Но он, дьявол, был весьма находчив.

— У меня в носу сместились перегородки, — объяснял Пукин. — С верхней полки упала книга и угодила в нос.

Если он не врал, то долбануть его мог только увесистый том «Капитала», так как в последнее время он блестал афоризмами по экономическим рычагам, а меня подбивал идти в обход инструкций.

— Сбрось с себя, Сан Саныч, эти бюрократические вериги, — советовал Пукин. — Они уже всех завели в тупик.

Хитер прохвост! Но меня, старого волка, на такую дешевку в капкан не заманишь. Инструкция как была, так и всегда будет панацеей порядка. Без нее — анархия и хаос. Сам-то он ничего не нарушает и от самостоятельных решений удивляет, хотя ему как заму я позволяю некоторую свободу. И лазейку выскользил — все перефутболивал совету трудового коллектива. Млеет от удовольствия, стервец, что обуза по решениям легла на плечи масс. А свои-то плечи — принужденные, сутулые, словно фокусник, вывернулся наизнанку. Грудь колесом, и чуть что — лягут этаким гоголем-моголем на трибуну побрызгать демократической слюной. Пробудилась, видите ли, в нем после долгого сна «спящая красавица» Гласность и запела панихида по анкетному отбору административно-командной породы, и пролила потоки слез над жертвами догмата, сидящими в зале.

У меня было такое впечатление, что кто-то не нарком согрел его по голове деревянной колотушкой и разбудил. Ах, Пукин! Задал ты мне загадку, как взрыв Тунгусского метеорита. Я ведь хорошо помню недалекое прошлое, когда ты говорил совсем иное... Не твои ли это слова? «Все наши беды от слабости. Нам нужны сильные личности. Нам нужна отеческая порка».

Граждане, забыли свой адрес, где числитесь «по ревизским сказкам», то напоминаю — зайдите к нам в любое время по адресу: ул. Бажова, 7. Выпишем сразу, а на это место посыпим нуждающихся рабочих. Ведь надо же когда-то навести порядок в том общежитии, которое одело вас кровом...

Г. ГНУЧАЯ,
зав. общежитием.

Выпороть бы тебя теперь... И оратор ты не впечатляющий. Посмотрел бы на себя со стороны — рыба с открытым ртом, выпрыгнувшая из привычной среды обитания на берег.

Между тем, несмотря на занятость мыслей, меня стало тревожить то, что происходило за окном автобуса, на котором я и Пукин пробирались по

той писни. Уж лучше бы ты, как раньше, посвистывал носом. Мало, конечно, приятного в тех трелях и фугах, но зато миролюбиво звучит.

— Пукин, дыши носом, — прошу я его вслух.

— Рад бы, да не могу, — отвечает он из-за спины. — Перегородки в носу перестроились.

— А жаль, — замечаю

От того, как звонко клещнули у Пукина зубы, я понял, что моя смачная фраза возымела действие.

В этот момент что-то клацнуло и под автобусом. От резкого толчка Пукин достал лбом мой затылок. У меня перед глазами запрыгали зайчики.

— Приехали! — сказал водитель. — Поймали пень.

— Какие будут предложения? — поинтересовалася я.

— Километрах в пяти-семи есть поселок, — ответил водитель. — Я пойду за помощью, может быть, трактор пригоню. А вы ждите.

— Я ждать не хочу, — сказал Пукин. — В поселке, наверное, банька есть и прочее. А тут только зубодробин.

— Оно, что идти, что оставаться — один бес, — согласился я. — Снега по брюхо, но зато, если до ползем, сократим время грустных раздумий.

Двинулись гуськом по корыту дороги, заполненному рыхлой кашицей. Впереди, пробивая целину, пошел водитель. За ним я, а Пукин за моей спиной. Ему хоть и идти было легче, но все равно задышал, как допотопный паровоз.

— Вот что, Пукин, — сказал я строго, — нужно беречь силы и здоровье. Закрой рот и дыши носом, если хочешь попасть в баню и попить молока.

Но Пукин не вразумел здравому совету и продолжал пыхтеть на свой лад.

Так мы шли, казалось, целую вечность. Обессилен, падали, но тут же вставали и опять шли. Обещанные водителем пять-семь километров мы повторили не менее трех раз. До места добрались только к полуночи.

Пукин, как только вошли в дом, обнял печь и начал нехорошо кашлять. К утру у него подпрыгнула температура под сорок. Я забегал по поселку в поисках средств связи с внешним миром. Это мне в конце концов удалось и я вызвал санитарный вертолет.

Но пока вертолет летел, Пукин помер.

— Осмотрите у покойного нос, — попросил я прилетевшего доктора. — На месте ли в нем перегородки?

Доктор удивился, но взял пинцетик и заглянул Пукину в ноздри.

— Нос впечатляющий, — сказал он. — Тяга была отличная.

Тогда я сокрушил восхликал:

— Ах, Пукин! Я же предупреждал тебя — дыши носом!

О. РИХТЕР.

ОПАСНОЕ ДЫХАНИЕ

Рассказ

зимнику. Налетел снежевой заряд, и ничего не стало видно за сплошной круговью. Дорогу катастрофически переметало.

Я оглянулся на Пукина. Его лицо показалось мне безучастным, и только отвисшая челюсть слегка подергивалася.

Какого черта он уселился за моей спиной? В автобусе — я да он. Ну и сел бы в другом ряду. Так нет же, за спиной намекал. Или: «Мы взяли в руки путеводную нить Ариадны и выбрались из лабиринта застоя». Тут уж явно не обо мне речь. Куда не следует — не зазорил, так что и выбраться нет необходимости.

— Скажи, Пукин, — не выдержал я, — что это ты всюду рвешься пощищонить?

— Э-э, уважаемый Сан Саныч, — охотно затянулся Пукин, заглотнув слюну, — народ-то у нас хоть и ученый, а не-зрелый. Социальное самосознание никакое. Он-то и демократией не умеет пользоваться. Не приучен! Поэтому, чтобы было легче дом перестраивать, нужно в него поселиться перед этим. Проповеди нужны! Особенно в наших организациях, где творческие печенки у людей напрочь отбиты.

— Это почему же? — возмутился я.

— Э-э, милейший Сан Саныч, вы не обратили внимание на ребят с квадратными лбами? Это не лбы, а экраны идей! А сидят они на своих пьедесталах, как архитектурные нарости, не имеющие никакой функциональной нагрузки в техническом и экономическом прогрессе.

— Это функционально-функционерная чушь, матерь твою проповедь! — отрезал я.

я, — дышать ртом рискованно.

А сам подумал: «Черт с тобой — дыши как хочешь, хоть подавись, осел упрямый!» И я хороши, чудим безмозглый: поддался на уговоры этого чучела с открытым ртом и поперся по зимнику. А все для того, чтобы выпустить на трибуну этого коростеля. Как это он последний раз говорил? «Гребень девятого вала перестройки скрушиительно обрушился...»

Вот стервец! Наверное, на меня намекал. Или: «Мы взяли в руки путеводную нить Ариадны и выбрались из лабиринта застоя». Тут уж явно не обо мне речь. Куда не следует — не зазорил, так что и выбраться нет необходимости.

— Скажи, Пукин, — не выдержал я, — что это ты всюду рвешься пощищонить?

— Э-э, уважаемый Сан Саныч, — охотно затянулся Пукин, заглотнув слюну, — народ-то у нас хоть и ученый, а не-зрелый. Социальное самосознание никакое. Он-то и демократией не умеет пользоваться. Не приучен! Поэтому, чтобы было легче дом перестраивать, нужно в него поселиться перед этим. Проповеди нужны! Особенно в наших организациях, где творческие печенки у людей напрочь отбиты.

— Это почему же? — возмутился я.

— Э-э, милейший Сан Саныч, вы не обратили внимание на ребят с квадратными лбами? Это не лбы, а экраны идей! А сидят они на своих пьедесталах, как архитектурные нарости, не имеющие никакой функциональной нагрузки в техническом и экономическом прогрессе.

— Это функционально-функционерная чушь, матерь твою проповедь! — отрезал я.

О. РИХТЕР.

МАЛЕНЬКИЙ ПРАЗДНИК БОЛЬШОГО КИНОТЕАТРА

Теперь, спустя время, можно сказать, что популярность кинотеатра не падает, несмотря на то, что город растет и, как грибы, растут культурно-спортивные учреждения. За свои три года «Аврора» познакомила с миром кино 4,5 миллиона зрителей и дала государству 2 млн. 200 тысяч рублей дохода.

Так что малыш получился трудолюбивым, и

Пожелаем ему дальнейшего роста, прекрасных фильмов, хороших зрителей и заботливых родителей — передовой коллектив кинотеатра.

Г. СЕМЕНЯК,
наш нешт. корр.